DOI 10.24412/2076-8176-2022-3-53-68

Андрей Александрович Рихтер и его время (К 150-летию со дня рождения)

Я.А. Рихтер, Т.Я. Рихтер[1]

[1] Независимый исследователь, Саратов, Россия; errato19@gmail.com

В 2021 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Андрея Александровича Рихтера (1871–1947), крупнейшего учёного, ботаника и физиолога растений, ученика А.С. Фаминцына и И.П. Бородина, приват-доцента Санкт-Петербургского университета, профессора Пермского, Саратовского и Московского университетов, члена-корреспондента (1929) и действительного члена (1932) АН СССР, организатора и первого директора Института физиологии растений (ИФР) АН СССР (1934–1938). Его научные исследования заложили основу современных знаний о физиологических процессах растений, у него было много учеников, продолжавших исследования в созданных им научных школах по изучению фотосинтеза (А.А. Ничипорович), питания растений (Д.А. Сабинин), устойчивости растений к внешним факторам и проблем иммунитета (К.Т. Сухоруков). Сообщение посвящено изучению жизненного пути А.А. Рихтера в контексте исторических эпох, его роли как общественного деятеля и организатора научных и образовательных учреждений, создателя новых научных направлений и школ. Кроме свидетельств современников, использованы новые материалы — документы, хранящиеся в архивах, и в первую очередь письма В.Л. Комарову и И.П. Бородину.

Ключевые слова: физиология растений, А.А. Рихтер, А.С. Фаминцын, И.П. Бородин, В.Л. Комаров, Санкт-Петербургский университет, Пермский университет, Саратовский университет, Московский университет, Институт физиологии растений (ИФР РАН).

Огромная дистанция отделяет нас во времени от эпохи, в которой Андрей Александрович Рихтер жил и работал. Время неумолимо движется, и эта дистанция всё увеличивается, отодвигая дальше в глубину прошедшего достигнутый им рубеж. Всё труднее становится представить его эпоху, восстановить обстоятельства событий и понять стремления и побуждения её героев. До сих пор ещё существуют исторические реалии — та сцена, на которой они действовали, сохранились доку-

© Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я., 2022

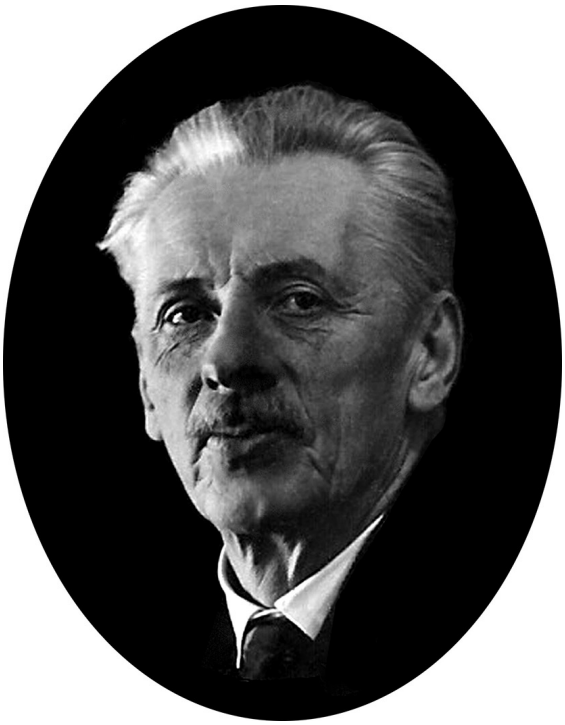

Рис. 1. Академик А.А. Рихтер, 1940 г. (из архива семьи Рихтер)
Fig. 1. Academician A.A. Richter, 1940 (from the Richter family archive)

ментальные свидетельства их деятельности. Однако они постепенно покрываются «патиной» времени и, более того, в нашем обычном обиходе нередко заменяются новомодными реконструкциями, декорирующими современные представления о прошлом. Наша задача иная: показать, как время отразилось на формировании его личности и выборе жизненного пути, какие вызовы времени определяли его решения и поступки, формируя его социальный опыт, и таким образом рассказать об А.А. Рихтере как учёном и общественном деятеле.

Настоящая статья подводит итог исследованиям собранных авторами биографических материалов, в том числе хранящихся в архивах. В некоторой мере она восполняет недостаток сведений, сообщённых как первыми исследователями его научного наследия (Максимов, 1949; Сухоруков, 1949; Чайлахян, 1948; Академик Андрей Александрович Рихтер, 1971), так и более поздними (Манойленко, 2007; Рихтер, 2009). Очень важными оказались свидетельства очевидцев, а также письма самого А.А. Рихтера, найденные в архивах. Они особенно ценны, так как он не вёл дневников и не оставил воспоминаний. В письмах можно найти отзвуки исторических событий, его впечатлений, переживаний и размышлений, подчас очень личных и откровенных, оценки происходивших событий и ожидания лучшего будущего, описание характерных черт быта того времени и жизни близких. В них проявилась его натура впечатлительного, живого, экспрессивного и неравнодушного человека, ищущего и борющегося, добивающегося результата и готового начать всё с начала.

Авторы сознают, что некоторые высказанные ими суждения неизбежно носят субъективный характер, но считают их необходимыми для освещения затронутых проблем.

Андрей Александрович Рихтер (рис. 1) родился в семье российских немцев, благодаря своей службе получивших права дворянства. Его предок Мартин, выходец из Саксонии, оказался в плену в ходе Северной войны 1700–1721 гг. и остался в России. Он и его сын Иоганн были ремесленниками — серебряных дел подмастерьями и мастерами, внук Андрей — военным лекарем. Сын последнего Александр Андреевич Рихтер (1792–1873), также военный лекарь, в ходе кампаний 1812–1814 гг. участвовал в ряде сражений с наполеоновскими войсками, прошел с русской армией дорогами Европы и в её рядах вступил в Париж. Он сделал большую карьеру, став лейб-хирургом при императорском дворе, главным врачом Мариинской больницы и президентом Медико-хирургической академии в Москве, директором медицинского департамента министерства внутренних дел в С.-Петербурге (фактически — министром здравоохранения Российской империи). Его сын Александр Александрович Рихтер (1836–1898) в 1856 г. окончил Александровский лицей в Петербурге и служил в министерстве внутренних дел, участвовал в подготовке материалов Редакционных комиссий для выработки положений реформы 1861 г. по освобождению крестьян от крепостной зависимости, затем — в проведении этой реформы в качестве мирового посредника в одном из уездов Самарской губернии. С 1874 г. он на службе в министерстве финансов, где выдвинулся в ряды высших его чиновников, став тайным советником, директором департамента окладных сборов при Н.Х. Бунге, членом совета министра при С.Ю. Витте. Он был одним из авторов-разработчиков налоговой реформы в России 1884–1885 гг.

Андрей Александрович Рихтер (далее — А.А.) родился в 1871 г. (3 августа по старому стилю) в селе Куровском Перемышльского[1] уезда Калужской губернии в семье Александра Александровича и Марии Берты Рихтер (урожденной Марпург), дочери пастора в одной из колоний поволжских немцев (рис. 2). В его биографии можно выделить несколько этапов деятельности.

Первый этап (1894–1916) — петербургский — целиком относится к дореволюционной эпохе (рис. 3, 4, 5). В 1889 г. А.А. окончил с золотой медалью 1-ю гимназию в Санкт-Петербурге и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где был учеником академиков А.С. Фаминцына и И.П. Бородина. После окончания университета в 1893 г. он был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию. С 1895 по 1917 г. А.А. служил хранителем ботанического кабинета и ассистентом на кафедре физиологии растений Петербургского университета (Рихтер, 2018), где был помощником последовательно сменявшихся руководителей кафедры — А.С. Фаминцына, И.П. Бородина, Д.И. Ивановского, В.И. Палладина и С.П. Костычева. После сдачи магистерских экзаменов (1903), в качестве приват-доцента А.А. читал ряд специальных курсов по проблемам физиологии растений, брожения и фотосинтеза. Кроме того, он преподавал на курсах Лесгафта, Бестужевских и Рождественских курсах и

[1] Ныне — Козельский район.

Рис. 2. Родители Андрея Александровича — Александр Александрович и Мария Берта Рихтер. Начало 1890-х гг. (из архива семьи Рихтер)

Fig. 2. Parents of Andrey Aleksandrovich — Aleksander Aleksandrovich and Maria Berta Richter. Early 1890s (from the Richter family archive)

Рис. 3. Андрей Рихтер дома. Середина 1890-х гг. (из архива семьи Рихтер)

Fig. 3. Andrey Richter at home. Mid 1890s (from the Richter family archive)

в Психоневрологическом институте. Это было время становления А.А. как учёного-исследователя, когда он осваивал сферу своей будущей научной деятельности, одновременно знакомясь в командировках с опытом и достижениями европейских научных центров.

Рис. 4. Андрей Александрович Рихтер с сыном Андреем в своём имении. С. Куровское, 1913 г. (из архива семьи Рихтер)

Fig. 4. Andrey Aleksandrovich Richter with his son Andrey in his estate. Kurovskoe, 1913 (from the Richter family archive)

В годы потрясений накануне и во время революции 1905–1906 гг. и перемен, ими вызванных, Андрей Александрович не остался в стороне от событий, а, напротив, оказался в гуще начавшегося в университете общественного брожения, охватившего студенчество и прогрессивно настроенных преподавателей. Его либерально-демократические взгляды и убеждения, в значительной мере унаследованные от отца, привели его в ряды радикально настроенных сторонников кардинальных перемен как в университетском образовании, так и в целом в обществе и российском государстве. После поражения революции он на собственном опыте убедился, как далеки от поставленных политических целей оказались реальные результаты деятельности оппозиционного Общества младших преподавателей в университете[2],

[2] Общество младших преподавателей (Санкт-Петербургское общество взаимопомощи доцентов и лаборантов высших учебных заведений) было создано в 1903 г. младшими преподавателями университета вместе с коллегами из других высших учебных заведений столицы. В период либерализации университетской жизни оно стало организацией, отстаивавшей права младших преподавателей. В него входили историки А.С. Лаппо-Данилевский, Е.В. Тарле,

Академического союза[3] и Партии демократических реформ[4], в которых он участвовал. Полученные уроки были разочаровывающими и поучительными, он сделал для себя выводы на будущее и более не занимался общественно-политической деятельностью.

Рис. 5. Андрей Александрович Рихтер во дворе Санкт-Петербургского университета. 1916 г. (из архива семьи Рихтер)

Fig. 5. Andrey Aleksandrovich Richter,on the St. Petersburg University campus. 1916 (from the Richter family archive)

М.И. Туган-Барановский, философ Н.О. Лосский, петрограф Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, зоолог Н.В. Насонов, математик А.В. Васильев и др.

[3] Академический союз — политическая организация профессоров и преподавателей высших учебных заведений, создан по инициативе Союза освобождения по решению совещания санкт-петербургской профессуры от 20.12.1904. Учредительный манифест — «Записка о нуждах просвещения» («Записка 342», 12.01.1905), в которой содержались требования реформы высшей школы на принципах академической автономии (выборность всех должностей в университете), введение политической свободы, созыв народного представительства; подписана 16 академиками, 125 профессорами, 201 младшим преподавателем; среди них — А.Н. Бекетов, В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург, И.П. Павлов, К.А. Тимирязев, А.А. Шахматов. К октябрю 1905 г. в академический союз входило свыше 1 800 человек (более 2/3 списочного состава университетских преподавателей России).

[4] Партия демократических реформ была создана в декабре 1905 г. Лидеры - А.С. Постников, К.К. Арсеньев, М.М. Ковалевский, М.М. Стасюлевич, И.И. Иванюков, В.Д. Кузьмин-Караваев. Отрицала возможность внезапного переворота в общественном строе, выступала за ликвидацию остатков бюрократического режима и признавала необходимость коренного преобразования в стране. Политическая программа: конституционная монархия с парламентом, обладающим законодательными функциями и разделением властей. Решение национального вопроса связывала с сохранением единой и неделимой России и предоставлением различным народам культурно-национальной автономии.

А.А. Рихтер так и не стал профессором университета, как многие другие преподаватели его поколения, оказавшиеся неблагонадёжными в глазах властей из-за своей общественной активности в годы первой русской революции[5] (Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я., 2020). Неудовлетворённость своим положением привела его к поискам других возможностей для приложения своих сил и знаний — в новых образовательных учреждениях послереволюционной эпохи в С.-Петербурге, однако он ясно осознавал безвыходность ситуации. И когда накануне Февральской революции появилась возможность продвижения, А.А. Рихтер воспользовался предложением руководства университета и факультета занять место профессора во вновь организуемом в Перми отделении СПбГУ, вскоре преобразованном в Пермский университет (Рихтер, 2020; Суворов, 2001).

Здесь, в одном из удалённых губернских городов России прошёл второй этап (1917–1923) в жизни А.А.: это был критически важный этап, пришедшийся на годы революции и гражданской войны, когда ему и его коллегам приходилось проявлять волю и настойчивость в борьбе за жизнь новорождённого университета и его будущее (рис. 6). Одновременно продолжалась их работа по организации структуры университета, открытию новых факультетов, кафедр и лабораторий. Трудности были неисчислимы. И здесь пригодились его настойчивость и творческая энергия, поражавшие его товарищей и сотрудников. Он оказался в своей стихии — в «пекле творения» нового университета с первых его самостоятельных шагов. Начал он с того, что создал буквально из ничего кафедру анатомии и физиологии растений, лабораторию и библиотеку при ней. Он сам искал и добывал мебель, оборудование, микроскопы, книги и целые библиотеки, договаривался о приглашении и приезде новых сотрудников. Большой педагогический опыт и выдающиеся организационные способности А.А. были оценены по достоинству, и уже в 1918 г. он был избран деканом физико-математического факультета. А.А. был одним из организаторов агрономического факультета университета, позднее преобразованного в сельскохозяйственный институт (Костицын, 2006). Всё это отнимало массу времени и сил и, конечно, влияло на его собственные занятия наукой. Его научная продукция за эти годы весьма скромна, ему не удалось продолжить исследования по физиологии растений в тех направлениях, где у него был прогресс в Петербурге.

Сознание ответственности за собственное детище для большинства отцов-основателей определяло их отношения с центральной и местной властью, осторожное и осмотрительное поведение руководства университета в условиях сосуществования с режимом военного коммунизма и красного террора. Введённые советской властью крайние меры в «классовой борьбе», такие как институт заложничества, не могли вызвать понимания и тем более сочувствия в среде университетских преподавателей. В ней появились группировки с резко противоположными установками

[5] В архиве попечителя С.-Петербургского учебного округа сохранилось дело «О привлечении к дознанию преподавателя Университета А. Рихтера, обвиняемого по статье 252», заведённое в 1900 г. Эта статья «Уложения о Наказаниях» предусматривала: «За составление и распространение письменных или печатных сочинений и за произнесение публичных речей, в коих, хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против Верховной Власти, <...> или же дерзостно порицать установленный государственными законами образ правления, ... виновные в том подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на время от 4 до 6 лет». ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 2. Д. 41.

и настроениями: консервативно-традиционалистическая и прогрессивно-демократическая. Последняя была в большинстве, её представители и поддерживающие её умеренные стояли у руководства университета. В сложной и подчас непонятной и невероятной обстановке гражданской войны А.А. Рихтер видел для себя единственный выход в работе на благо науки и образования — на том месте, где он оказался. В письме к своему учителю И.П. Бородину 17 ноября 1918 г. он писал: «Во всяком случае, будем работать до конца; теперь работа, прежде всего работа особенно нужна для России»[6].

Приход в декабре 1918 г. колчаковских войск оказался настолько внезапным, что власти оказались не подготовленными к эвакуации. Университет остался на месте, и деятельность его не прервалась. Жизнь вернулась к прежним формам гражданского и губернского устройства, представители университета вошли в органы власти. Противостояние с властью прекратилось и сменилось сотрудничеством.

В марте 1919 г. Советом университета рассматривалось «Обращение к иностранным университетам по поводу переживаемого в России бедствия большевизма». Среди голосовавших против принятия «Обращения» были профессора В.Л. Богаевский, А.А. Рихтер, А.А. Заварзин, А.А. Фридман, В.К. Шмидт и др., заявившие, что они голосовали против обращения «вне зависимости от его содержания, исключительно по принципиальным соображениям о недопустимости выступления Совета университета по политическому вопросу» (Обухов, 2008, с. 285). Эта попытка занять нейтральную позицию «над схваткой», следуя университетской традиции, была, наверное, последней в практике профессорской коллегии пермского университета. Жизнь опровергла эту позицию, показав её невозможность в обстановке непримиримой гражданской войны.

Тяжело отразились на жизни университета события гражданской войны, особенно эвакуация университета в Томск летом 1919 г. при отступлении колчаковских войск, а затем реэвакуация его в марте — апреле 1920 г. «Эвакуация эта, крайне несчастливо проведённая, выбросила нас в Томск в виде почти полного университета — личным составом, но без лабораторного и другого имущества. У меня лично остались в Перми все книги, все начатые работы и коллекции»[7], — писал по возвращении А.А. Рихтер И.П. Бородину 1 января 1920 г. Вскоре, 18 апреля 1920 г., А.А. Рихтера избрали деканом сельско-хозяйственного и лесного факультетов (рис. 6).

Жизнь была тяжела, силы уходили. «Как живете? Слышал про Вас, что очень изменились. Да и все мы тоже. Но главное — удается ли работать, и работать по душе. Мне это удавалось до последнего года. А теперь как-то руки опускаются и страх находит»[8], — писал в одном из писем той поры А.А. Рихтер В.Л. Комарову. 13 сентября 1921 г. на Совете Пермского университета Андрей Александрович Рихтер был избран ректором университета:

---

[6] СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 333.

[7] СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 333. Л. 7.

[8] АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1246. Л. 42–42 об.

Рис. 6. Сотрудники кафедры физиологии растений Пермского университета.
1-й ряд (слева направо): П.Н. Красовский, Д.А. Сабинин, А.А. Рихтер, А.М. Шелоумова, неизвестная.
2-й ряд, крайняя справа — Вера Андреевна Рихтер[9], 4-я справа — Е.Г. Минина (?).
Начало 1920-х гг.

Fig. 6. The Plant Physiology Department stuff, Perm University. 1st row (left to right): P.N. Krasovsky, D.A. Sabinin, A.A. Richter, A.M. Sheloumova, unknown. 2nd row, far right — Vera Andreevna Richter, 4th from the right — E.G. Minina (?). Early 1920s.

«Со мной стряслось крупное несчастье, давно, впрочем, поджидавшее меня из-за угла... Дело в том, что на мне остановился выбор нашего Совета и в теперешний период развала, разрухи и всяческого угнетения меня возвели на ректорский пост. Но делать нечего, приходится подчиниться и на время забыть о своих работах, об интересах своей научной деятельности и попробовать направить университетскую работу», — написал он через несколько дней В.Л. Комарову[10].

В университете стал меняться состав студентов, появился рабфак, началась кампания «пролетаризации» и «коммунизации» высшей школы. Появились и новые кадры преподавателей, «социально близких» победившему режиму. Всё это усложнило работу в университете и заставило его уйти с поста ректора в феврале 1923 г. Последняя история, произошедшая на заседании предметной комиссии по поводу просьбы А.А. о заграничной командировке и закончившаяся скандальными клеветническими обвинениями, переполнила его терпение. Не дождавшись защиты от руководства, А.А. Рихтер решил уйти из университета.

[9] Пермский университет. Первые сто лет. Пермь: ПГНИУ, 2018. Т. 1. С. 75 [Электронный ресурс]. URL: http://www.psu.ru/files/docs/ob-universitete/smi/knigi-ob-universitete/PSU-100-I.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

[10] АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1246. Л. 50.

Расставание с ним и с коллегами было нелёгким — многое здесь было пережито и передумано, многое было сделано, и это сделанное приходилось отрывать от себя, оставляя, быть может, навсегда. Андрей Александрович увозил с собой память о героическом периоде в истории создания университета (1917–1918), а также память о пережитых трагических 1919–1920 гг., потрясших до основания только что созданный университет. Эти годы во многом изменили его, как и всё вокруг. Но он сохранил себя как личность, сохранил принципы, которыми руководился всю жизнь. Он решил служить России во имя её будущего, в которое верил.

В Саратове начался новый — саратовский этап (1924–1931) в жизни и научной деятельности А.А. Рихтера (рис. 7). Здесь он был нужен и как физиолог растений и опытный исследователь, и как профессор. И главное: здесь была другая атмосфера, гораздо более спокойная и доброжелательная, для работы и решения бытовых проблем были созданы необходимые условия. Вскоре он был избран заведующим лабораторией анатомии и физиологии растений Саратовского университета, им же реорганизованной в одноимённую кафедру. Он стал также заведующим кафедрой физиологии растений и микробиологии сельскохозяйственного института и заведующим отделом прикладной ботаники Саратовской сельскохозяйственной опытной станции, позднее преобразованной в Институт засухи, а затем в Институт зернового хозяйства Юго-Востока. Выбор его научных занятий был ограничен проблемами прикладного характера, обусловленными неблагоприятными условиями произрастания культурных растений в континентальном климате юго-востока европейской части страны. В первую очередь это были конкретные вопросы зимостойкости, засухоустойчивости, солевыносливости, иммунитета к грибковым заболеваниям и паразитарным инфекциям. Здесь он, опытный экспериментатор, добился многого. Им было доказано значительное накопление в зимний период протекторных (защитных) соединений, в частности растворимых углеводов, в узлах кущения озимых злаков, что обеспечивало их устойчивость к низким отрицательным температурам; обнаружена чёткая корреляция между степенью открытости устьиц и интенсивностью ассимиляционного процесса.

Его рекомендации были существенно важными и рассматривались властями, задумавшими коренную перестройку сельского хозяйства страны, в ряду планируемых мероприятий по его механизации, химизации и орошению земель. И он почувствовал, вернее — понял, что его работа необходима и может привести к открытию новых перспектив научных исследований в области агрономической физиологии растений. Однако одних научных результатов в наступившие новые времена для продвижения в научной деятельности было недостаточно. Видимо, тогда, в 1927–1928 гг., Андреем Александровичем были приняты непростые решения, во многом определившие его жизненный путь. Эти шаги готовились на протяжении последних лет, когда стала ясно вырисовываться историческая перспектива — что существующая власть пришла надолго и с ней необходимо выстраивать отношения. Речь шла не просто о компромиссе, а о выработке нормальных взаимоотношений в рамках созданного политического и государственного устройства.

Уже с середины 20-х гг. вопросы о позитивном отношении к советской власти и необходимости сотрудничества с нею стали обсуждаться в среде научно-технических работников и преподавателей вузов. Под своим углом зрения эта проблема рассматривалась идеологами и руководством коммунистической партии, заинтересованными в привлечении на свою сторону старой, ещё дореволюционной, ин-

Рис. 7. А.А. Рихтер с группой сотрудников и рабочих сельскохозяйственной опытной станции.
Сидят слева направо: 2-я — Н.Н. Сахарова, дочь энтомолога Н.Л. Сахарова, 4-й — А.А. Рихтер.
Стоят слева направо: 1-й — Р.Э. Давид, 3-я — В.А. Рихтер, 5-й — К.Т. Сухоруков, 8-й — А.Д. Фурсаев (?). 1929 или 1930 гг. (из архива семьи Рихтер)

Fig. 7. A.A. Richter with the staff of the Agricultural Experimental Station.
1st row (left to right): 2nd — N.N. Sakharova, daughter of entomologist N.L. Sakharov, 4th — A.A. Richter.
2nd row (left to right): 1st — R.E. David, 3rd — V.A. Richter, 5th— K.T. Sukhorukov, 8th — A.D. Fursaev (?).1929 or 1930 (from the Richter family archive)

теллигенции и создании своей «рабоче-крестьянской» интеллигенции, чтобы взять под контроль партии вузы и научные учреждения, в первую очередь Академию наук. Для достижения этих целей и обслуживания интересов правящей партии в феврале 1928 г. было создано общественное движение, возглавленное организацией ВАРНИТСО (Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству). Однако вначале это не было так очевидно, и поэтому новая организация привлекла значительное число научных работников. Она была учреждена инициативной группой известных учёных и инженеров (А.И. Абрикосов, И.Г. Александров, А.Н. Бах, Б.И. Збарский, Н.С. Курнаков, А.И. Опарин, А.В. Палладин, Б.Л. Розинг и др.). Эта группа разработала в конце октября 1927 г. устав ассоциации, утвержденный СНК СССР 13 февраля 1928 г. Председателем Центрального бюро ассоциации стал А.Н. Бах. К участию в ассоциации были привлечены крупные учёные Н.И. Вавилов, С.А. Зернов, Б.А. Келлер, В.Л. Комаров, А.В. Леонтович, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, Н.М. Тулайков, А.Е. Ферсман. Вступил в инициативную группу по организации ВАРНИТСО и А.А. Рихтер, ставший председателем её Нижневолжского отделения. К этому времени он уже был членом бюро саратовского отделения Секции научных работников

в профсоюзе работников просвещения (1927–1931 гг.). Последующие события показали, что политические установки партии большевиков в отношении Академии наук и ориентировавшейся на неё научной интеллигенции всё ужесточаются, а пропагандистская кампания приобретает невиданный размах. Для подтверждения своей лояльности необходимы были не только слова, но и действия. В 1930 г. Андрей Александрович вступил в члены ВКП(б), понимая, что без этого шага дальнейшая научная карьера становилась невозможной. Таким образом, он выбрал себе дорогу, по которой ему пришлось идти до конца. В 1929 г. А.А. был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Дальнейшая деятельность А.А. Рихтера развёртывалась в научных центрах Ленинграда и Москвы. Её можно подразделить на два периода. Первый из них охватывает время 1931–1938 гг., второй — последние годы его жизни и деятельности. В 1931 г. А.А. был приглашен в Московский университет, где занял кафедру анатомии и физиологии растений, и во Всесоюзный институт каучука и гуттаперчи, где стал директором по научной части. В 1932 г. он был избран действительным членом АН СССР и директором Лаборатории биохимии и физиологии растений Академии наук в Ленинграде. В 1934 г. по инициативе А.А. лаборатория была переведена в Москву вместе с другими академическими учреждениями, где на её базе были созданы Институт биохимии и Институт физиологии растений (ИФР). Последний возглавил А.А. Рихтер. В Институте он руководил отделом воздушного питания, где занимался проблемами фотосинтеза. В 1935 г. он был избран действительным членом ВАСХНИЛ. В августе 1938 г. А.А. был снят с поста директора ИФРа по клеветническим обвинениям, поддержанным партийными органами[11], но остался членом Академии наук (Рихтер, 2017). В 1939 г. для него была организована при Президиуме АН СССР специальная лаборатория фотосинтеза. Но он оставался «в тени», его имя и труды замалчивались. О нём вспомнили в 1945 г. в связи с юбилеем Академии наук, и по случаю 75-летия к нему пришли высокие награды (рис. 8).

Академик А.А. Рихтер был одним из крупнейших учёных в области экспериментальной физиологии растений в России. Полученные им результаты не устарели до сих пор. Он оставил не так много научных трудов, их список едва достигает ста. И тому есть причины: А.А. высоко ставил значение экспериментов как средства получения научных фактов и поэтому предпочитал неоднократную проверку их результатов и дальнейшую разработку экспериментов. Многое из добытого осталось неопубликованным, многое из запланированного — неоконченным... Были периоды плодотворной творческой работы, и были годы «тощие», когда было не до науки...

Обладая поистине энциклопедическими познаниями, А.А. всегда оставался на уровне мировой науки и её достижений, что создавало ему непререкаемый авторитет среди коллег. Он был научным редактором ботанической серии Докладов АН СССР.

За долгие годы своей научной и педагогической деятельности А.А. Рихтер подготовил несколько поколений молодых научных работников. По свидетельству академика Н.А. Максимова:

---

[11] С помощью «общественности» и партийной организации в институте была организована кампания клеветы и травли А.А. Рихтера, выплеснувшаяся на страницы главной партийной газеты «Правда» в виде письма «группы товарищей» (26.07.1938).

Рис. 8. Андрей Александрович Рихтер. 1945 г.[12]
Fig. 8. Andrey Aleksandrovich Richter, 1945

Даже ставший раньше него академиком С.П. Костычев был в немалой степени его учеником. То же я могу сказать и о себе (см.: Н.А. Максимов), и о С.Д. Львове, и о Н.Н. Иванове, и о многих других, обычно причисляемых к школе В.И. Палладина, но очень многим обязанных и А.А. Рихтеру. В Перми А.А. Рихтер вырастил многих учеников — Д.А. Сабинина (впрочем, Сабинин начал работать у А.А. Рихтера ещё в Петербурге), В.Н. Наугольных, П.А. Генкеля. В Саратове он создал уже многочисленную школу, к которой принадлежат А.А. Ничипорович, В.А. Новиков, К.Т. Сухоруков, А.Д. Смирнова, Е.И. Дворецкая и ряд других. В Академии наук СССР, в Лаборатории биохимии и физиологии растений и Институте физиологии растений у него начали свою работу М.Х. Чайлахян, В.С. Катунский, Ю.В. Ракитин, Н.С. Петинов, А.А. Исакова[13] и многие другие (Максимов, 1949).

Пожалуй, эта сторона деятельности А.А. Рихтера имела не меньшее значение, чем собственно научная работа. А.А. не раз создавал научные школы, последнюю — в Саратове по агрофизиологии, и воспитал многочисленных учеников. Некоторые из них впоследствии стали крупными учёными, как академики Н.А. Максимов и М.Х. Чайлахян, член-корреспондент АН СССР А.А. Ничипорович, профессора Д.А. Сабинин и К.Т. Сухоруков. Его ученики сами воспитывали своих учеников и, если удавалось, создавали свои научные школы. Передача научного импульса как эстафеты — самое главное в жизни науки.

[12] Галерея фотопортретов действительных членов Академии наук СССР, 1945 [Электронный ресурс]. URL: http://www.arran.ru/?q=ru/exposition15_4 (дата обращения: 10.02.2022).

[13] Это не помешало некоторым из них подписать донос в газету «Правда» (Рихтер, Рихтер, 2017).

Влияние личности А.А. Рихтера на развитие науки о физиологии растений и формирование научных школ ещё не в полной мере оценено и с точки зрения его творческой роли, и с точки зрения его роли как лидера в разработке научных проблем. Он был экспериментатором, добывающим факты для построения научной теории, и высоко ставил значение научных фактов, доказанных экспериментально. Он был беспощадным критиком многих теорий и концепций, устаревающих по мере прогресса научного знания. И он был неустанным искателем истины, обладавшим необходимым для этого чувством нового. Он умел выбирать направления для научного поиска и формулировать научные задачи, всегда занимал принципиальную позицию настоящего учёного, не признающего никаких спекуляций. Он был рыцарем науки, как сказал на похоронах Рихтера президент Академии наук С.И. Вавилов.

Многочисленные документы времени, в котором довелось жить и трудиться А.А. Рихтеру в последние годы, красноречиво показывают, в какой атмосфере приходилось заниматься наукой, руководимой коммунистической партией и идеологически ей подчинённой. В самих формулировках заключался ответ для каждого, кто, усвоив «принцип партийности науки», рассматривал любую научную дискуссию и любую исследовательскую работу как «особую форму классовой борьбы». Здесь можно лишь говорить о доле конформизма, вынужденно или искренне проявлявшегося в те годы представителями научной интеллигенции. Нонконформисты просто не могли существовать и уничтожались. Выбора по существу не было. Андрей Александрович Рихтер продолжал заниматься делом своей жизни — служению науке. В трудные времена начавшегося в стране Большого террора он пытался бороться с наветами, ещё до конца не сознавая свою обречённость. Он был одинок и, по существу, беззащитен. Он потерпел поражение и должен был уступить[14]. Урок этой драмы очевиден — он в том, что служение науке не терпит суеты и требует полного подчинения высоким принципам чести, принципиальности и благородства.

Литература

Академик Андрей Александрович Рихтер // Физиология растений. 1971. Т. 18. Вып. 5. С. 869–873.

Костицын В.И. Ректоры Пермского университета 1916–2006. Изд. 2-е. Пермь: Пермский ун-т, 2006. 352 с.

Максимов Н.А. Научная деятельность академика А.А. Рихтера // Памяти академика А.А. Рихтера. Труды Института физиологии растений АН СССР. 1949. Т. 6. Вып. 2. С. 10–22.

Манойленко К.В. Академик А.А. Рихтер и его роль в развитии экологической физиологии растений (к 135-летию со дня рождения) // Сельскохозяйственная биология. 2007. № 1. С. 116–126.

Обухов Л.А. (сост.) Гражданская война в Прикамье: май 1918 — январь 1920 гг. Сборник документов. Пермь: Стиль — МГ, 2008. 504 с.

[14] Душевное состояние деда было известно старшему автору, Якову Андреевичу Рихтеру. Он знал своего деда, жил у него, впоследствии бывал у его вдовы Т.А. Красносельской. Чем, если не поражением, было изгнание из собственного Института, фактическое отстранение от любимого дела всей жизни. В это же время были репрессированы его дети и их семьи (Рихтер, Рихтер, 2017, с. 43). А.А. пытался этому противостоять, но безуспешно.

Рихтер Я.А. Академик А.А. Рихтер — профессор Саратовского университета // Известия Саратовского университета. Новая сер. 2009. Т. 9. 30 с.

Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я. История ухода академика А.А. Рихтера из Института физиологии растений АН СССР // Историко-биологические исследования. 2017. Т. 9. № 4. С. 27–47.

Рихтер Я.А., Глебов М.П., Рихтер Т.Я. Дорога в будущее: К истории кружка «Маленьких ботаников» // Историко-биологические исследования. 2018. Т. 10. № 4. С. 7–38.

Рихтер Я.А., Рихтер Т.Я. Теперь работа, прежде всего работа особенно нужна для России... (А.А. Рихтер в 1917–1923 годы в Пермском университете) // Историко-биологические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 9–34.

Суворов В.И. Рихтер Андрей Александрович // Профессора Пермского Государственного Университета (1916–2001). Пермь: ПГУ, 2001. 432 с.

Сухоруков К.Т. Академик Андрей Александрович Рихтер // Памяти акад. А.А. Рихтера. Труды Института физиологии растений АН СССР. 1949. Т. VI. Вып. 2. С. 3–9.

Чайлахян М.Х. Памяти академика А.А. Рихтера // Известия АН СССР. Сер. биол. 1948. № 1. С. 3–10.

Andrey Aleksandrovich Richter and his time (150th anniversary of Academician A.A. Richter)

Yakov A. Richter, *Tatiana Ya. Richter*[1]

[1] Independent researcher, Saratov, Russia; errato19@gmail.com

The year of 2021 marked the 150th anniversary of an outstanding Russian scientist — botanist and plant physiologist, prominent organizer of science and founder of scientific institutions, public figure, and academician Andrey Aleksandrovich Richter (August 15, 1871 — April 2, 1947). A student of the distinguished botanists and plant physiologists A.S. Famintsyn and I.P. Borodin, he laid the foundation for modern plant physiology research in photosynthesis and assimilation, physiological basics of plant immunity, and agricultural plant physiology. He evolved into a brilliant experimenter in the laboratories of the St. Petersburg (Russian) Academy of Sciences and St. Petersburg University at the beginning of the 20th century. Later on he established his own scientific school of physiologists, which in different years included future academicians N.A. Maksimov, M.Kh. Chailakhian, professors A.A. Nichiporovich, professors D.A. Sabinin and K.T. Sukhorukov to name a few. A.A. Richter was one of the founders and rector of Perm University (1917–1923), the organizer of plant physiology departments at Saratov University and Agricultural Institute, as well as the organizer and first director of the Institute of Plant Physiology (Russian Academy of Sciences). Yet many facts of his biography were largely forgotten and are unknown to the scientific community. During his life A.A. Richter went through many trials and tribulations, but still maintained his humanistic beliefs and position of the scientific truth and integrity proponent.

The paper is based on the new archival documents, first of all correspondence with academicians V.L. Komarov and I.P. Borodin, and testimonies of contemporaries.

Keywords: plant physiology, A.A. Richter, A.S. Famintsyn, I.P. Borodin, V.L. Komarov, St. Petersburg University, Perm University, Saratov University, Moscow University, Institute of Plant Physiology.

References

"Akademik Andrey Aleksandrovich Richter" (1971). [Academician Andrey Aleksandrovich Richter]. *Fiziologiia rasteniĭ*, 18(5), 869–873 (in Russian).

Chailakhian, M.Kh. (1948). "Pamiati akademika A.A. Richtera" [In memory of academician A.A. Richter]. *Izvestiia AN SSSR*, Ser. biol., 1, 3–10 (in Russian).

Kostitsyn, V.I. (2006). *Rektory Permskogo universiteta 1916–2006* [The Rectors of Perm University 1916–2006]. Perm′: Permskiĭ universitet (in Russian).

Maksimov, N.A. (1949). "Nauchnaia deiatel′nost′ akademika A.A. Richtera" [Scientific activity of academician A.A. Richter]. *Pamiati akademika A.A. Rikhtera. Trudy Instituta fiziologii* rasteniĭ *AN SSSR*, 6 (2), 10–22 (in Russian).

Manoilenko, K.V. (2007). "Akademik A.A. Richter i ego rol′ v razvitii ėkologicheskoĭ fiziologii rasteniĭ" (k 135-letiiu so dnia rozhdeniia) [Academician A.A. Richter and his role in the development of the ecological plant physiology (To his 135th birth anniversary)]. *Sel′sko-khoziaĭstvennaia biologiia*, 1, 116–126 (in Russian).

Obukhov, L.A. (ed.) (2008). *Grazhdanskaia voĭna v Prikam′e: maĭ 1918 — ianvar′ 1920 gg.* [Civil war in Prikamye: May 1918 — January 1920]. Perm′: Stil′ — MG (in Russian).

Richter, Ya.A. (2009). Akademik A.A. Richter — professor Saratovskogo universiteta [Academician A.A. Richter — professor at Saratov university]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta (Novaia seriia)*, 9 (in Russian).

Richter, Ya.A., Richter, T.Ya. (2017). "Istoriia ukhoda akademika A.A. Richtera iz Instituta fiziologii rasteniĭ AN SSSR" [The History of academician A.A. Richter ousting from the Plant Physiology Institute USSR AS]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniia,* 9 (4), 27–47 (in Russian).

Richter, Ya.A., Glebov, M.P., Richter, T.Ya. (2018). "Doroga v budushchee: K istorii kruzhka "Malen′kikh botanikov"" [The Road to the Future: the History of "The Little Botanists" Society]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 10 (4), 7–38 (in Russian).

Richter, Ya.A., Richter, T.Ya. (2020). "Teper' rabota, prezhde vsego rabota osobenno nuzhna dlia Rossii... (A.A. Richter v 1917–1923 gody v Permskom universitete)" [Now work, first of all, work is especially needed for Russia... (A.A. Richter at Perm University in 1917–1923)]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, 12 (1), 9–34 (in Russian).

Suvorov, V.I. (2001). "Richter Andrey Aleksandrovich" [Richter Andrey Aleksandrovich]. In: *Perm University Professors (1916–2001)*, Perm: PGU (in Russian).

Sukhorukov, K.T. (1949). "Akademik Andrey Aleksandrovich Richter" [Academician Andrey Aleksandrovich Richter]. *Pamiati akad. A.A. Richtera. Trudy Instituta fiziologii rasteniĭ AN SSSR*, VI (2), 3–9 (in Russian).